

Александр Снегирёв

# ЧУВСТВО ВИНЫ



*Часть сборника  
Бил и целовал (сборник)*



Александр Снегирёв

**Чувство вины**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Снегирёв А.**

Чувство вины / А. Снегирёв — «Эксмо», 2016

«— Я беременна! Слышишь?! Я беременна! Разбудила, прыгнула в постель, тормозит: — Две полоски! Я беременна! Он трет глаза. Фокусируется. Две красные полоски. Как на австрийском флаге. Или двоится спросонья? В самом деле — две. Целует ее бархатный нос, щеки, лоб, колющие ресницами глаза, мягкие белые волосы...»

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снегирёв А., 2016  
© Эксмо, 2016

# Александр Снегирёв

## Чувство вины

© Снегирёв А., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

\* \* \*

– Я беременна! Слышишь?! Я беременна!

Разбудила, прыгнула в постель, тормозит:

– Две полоски! Я беременна!

Он трет глаза. Фокусируется. Две красные полоски. Как на австрийском флаге. Или двойтся спросонья? В самом деле – две. Целует ее бархатный нос, щеки, лоб, колющие ресницами глаза, мягкие белые волосы.

– Какое счастье!

А что еще сказать? И вправду счастье.

По ту сторону жалюзи просыпается город. Потягивается, ворочается, зевает, фыркает в умывальниках, тяжело дышит на утренней пробежке, хрустит тостами, глотает витаминные смеси, шумит яхтенными моторами, стрекочет электропилой садовника.

– А это что? – Она указывает на спинку новой кровати, обтянутую серой тканью, на то место, куда по ночам упирается его голова. Там пятно.

– Жир! Ты выделяешь жир! – разоблачает она.

– Зато не надо мазаться кремом по сто раз в день...

– Ты прямо курица гриль! – хохочет она. – У меня будет ребеночек от курицы гриль, такой же хорошенький и жирненький!

Блондинка была киноактрисой, которая в последние годы все меньше снималась и все больше времени отдавала благотворительному фонду, который основала несколько лет назад. Она собирала деньги на сложные операции для детей. Такие операции должны проводиться бесплатно, но больницы по разным причинам отказывают пациентам: не хватает лекарств, оборудования и специалистов. Карьера у блондинки как раз забуксовала, и тут Курица подал идею, что, пока она еще известна, можно организовать благотворительный фонд. Предмет приложения своей доброты долго искать не стали – решили спасти детей. Детей спасти приятно, да и деньги на детей дают охотнее.

Дела пошли лучше, чем можно было предположить. Отзывчивых добряков нашлось предостаточно. Сотням обреченных малышей подарили новую жизнь. Вскоре и государство обратило внимание на фонд и взялось за его поддержку. Блондинка стремительно набирала социальный вес, ее уже называли не актрисой, а общественным деятелем. Вручили Премию президента. Новых ролей предлагали так много, что она могла выбрать самые лучшие.

Вместе с почитанием пришло и материальное благополучие. Разумеется, она не присваивала пожертвования, но от гонораров не отказывалась. Купив уютную квартирку в Майами, ведь в России, при всей любви к ней, холодно и непонятно, что будет, блондинка стала проводить все свои отпуска за океаном в компании Курицы, отдыхая от благих дел, журналистов и почитателей, набираясь сил для того, чтобы по возвращении изливать на российских сирот новые потоки добра и радовать поклонников очередными перевоплощениями. Да и в чужой земле ей не требовалось приbedняться, маскировать молодого мужа, известность и достаток от подружек, невыдающихся вертихвосток-актрис, которые вдруг обнаружили себя едва обеспеченными тетками за сорок, покинутыми спонсорами, вернувщи-

мися в обветшавшие конурки своего детства с маразматическими предками за стенкой. И если раньше они отвечали на ее звонки изредка и всегда высокомерно, то в последнее время она не знала, куда от них спрятаться: ту пристрой, эту познакомь, этой одолжи.

Курица бывал здесь чаще, изводил холсты и картоны, покрывая белоснежные грунтованные поверхности изображениями голых женщин. Он искал свой стиль, который годами ускользал от него. Надеялся, что вдалеке от привычных мест сможет словить долгожданное откровение. Он бродил по линованному городу вдоль вечно цветущих изгородей и кубических белых домов. Пялился на витрины, совался в пылающие неонами топки кабаков, где за десятку можно было получить коктейль или ленивые покачивания голых латинских бедер. Насыщался ощущениями этого некультурного, вульгарного, лишенного истории города, как насыщается соками виноград, питаясь скудной, неплодородной почвой. Он верил в традиционные жанры изобразительного искусства и одновременно завидовал художникам, которых называли «современными» и «актуальными». Художники эти то черепа драгметаллами украсят, то из мумифицированных человеческих тел скульптурную композицию составят, то половой хер сорокаметровый на разводном мосту нарисуют так, чтобы, когда мост поднимают, рисунок вздыбился над городом.

Недавно три девицы в лосинах и разноцветных шапочках-чулках залезли на алтарь главного московского храма, вскрыли себе вены и, размахивая кровотокающими руками и обагрив утварь и Врата, стали возносить молитву, в которой попросили Пресвятую Деву прогнать президента. Девиц перебинтовали наскоро – и в тюрьму. Оказалось, они и раньше всякие выходки себе позволяли. Например, однажды их предводительница стащила из супермаркета осьминога. Не просто вынесла, а в киску себе затолкала и прошла, виляя бедрами, мимо кассы. А подельницы все засняли – и в Сеть.

Не успели снять швы с запястий, а девахи уже прославились на весь мир. Обнаружилось, что президента хотят прогнать не только эти три, а целое поколение. Очкарики-хипстеры с челками, городские бездельники, которых неожиданно сразу очень много из кафе, музеев и парков повывлезло. За алтарных самоубийц вступились духовно опустошенные интеллектуалы, подогреваемые науськиванием западных спецслужб, только и мечтающих о подрыве авторитета Рашен Ортодокс Черч, на которой вся Русь и держится. В перформансе с осьминогом эксперты обнаружили надругательство над памятью Христа, символом которого, как известно, является рыба. А где рыба, там и осьминог. С морепродуктами нынче шутки плохи.

Прокуроры вменили арестованным бесовское дрыгание, непотребное приплясывание и адское шевеление с целью возбуждения, разжигания и унижения. Тетеньки из комитетов этики, эстетики и общественной морали с глазами выброшенных кукол констатировали об атаке дьявола на Третий Рим.

Курица кусал локти: соскам злополучным едва за двадцать, а он уже Христа пережил и до сих пор никому не известен. Курица страстно жаждал славы, испытывая одновременно парадоксальную неловкость от мысли, что надо выпячиваться, обдумывать и планировать скандал, а хорошо бы и родиной слегка торгануть, выставить напоказ какую-нибудь пакость, что-нибудь гнилое выискать, хоть сатанинские скачки в храме устроить, лишь бы иностранным кураторам и правозащитникам угодить. Одновременно он боялся боли, насмешек, избиений, ареста, срока, холодного осьминога, которого непременно придется куда-то засовывать. Курица продолжал сторониться остросоциального искусства, вдохновленного общественным протестом, продолжал отчаянно рисовать голых женщин, веря, за неимением идей, в силу собственной искренности.

Из всех сюжетов Курицу интересовал этот. Ничего другого в голову не приходило с тех пор, как малым дитем, ползая по полу, нарочно заглянул под подол родной тетке. Два столба ног, переходящие в огромные полушария. Затемнение между этими полушариями

гипнотизировало, притягивало и с того дня затмило для Курицы все звезды и светила. Он и стал художником, чтобы иметь предлог снова и снова овладевать этой тенью. При такой зависимости рисование – единственный способ уберечься от погони за каждой юбкой. Все желание, страсть разгадки, томление, все в линии и пятна уходит.

Он старался рисовать одну блондинку. Чтоб в другую не влюбиться. А она всегда была готова. Любые позы принимала. Только в последнее время была сильно занята, и Курица подыскал натурщицу. К стене в гостиной был прислонен большой холст, на котором, опираясь на колени и ладони, выгибалась фигуристая деваха. С шеи до самого розового пушистого ковра свисал крупный золотой крест, голову венчала патриаршая митра. Кисти рук обматывали окровавленные тряпки. На зрителя дева смотрела так, что слюна в горло не слатывалась и сердце с ритма сбивалось.

Душевая лейка треснула, вода била во все стороны.

– Ты обещал исправить! – крикнула блондинка.

– Сегодня исправлю!

– Я могу вызвать мастера.

– Я сам.

Очень сексуально, когда мужчина с руками. Курица знал, что умение чинить сантехнику делает мужчину сексуальным. Он хотел быть сексуальным и потому твердо решил исправить душ.

Сели завтракать. Курица суетился у холодильника, причитая: «Чего-то хочется, а чего, не знаю», и запихивал в рот все подряд. Фрукты, ягоды, бекон, сыр, салат, капсулы витаминов.

Блондинка чинно сидела за столиком на балконе и пила кофе маленькими глоточками. Пока она решала, что будет есть, он уже набил пузо и теперь кипел энергией.

– Как несправедливо, что нет бессмертия, – пожаловалась блондинка апельсиновому соку, который налила в стакан.

– Взболтала? – встрял Курица.

– Взболтала. – Блондинка встряхнула прозрачную бутылку.

– Видишь, сколько гущи на дне, – наставительно указал Курица.

– Отстань.

– Ты мой поросеночек. – Курица ущипнул блондинку за грудь.

От радостной новости и полного желудка Курица весь бурлил. Ему всегда нравилось лапать блондинку, называть поросеночком, а долгожданная новость совсем его взбудоражила.

Внизу, у бассейна, девица в купальнике облокотилась о парапет.

– Хороший город, как ни глянешь в окно, обязательно увидишь классную задницу!

– Хочешь сказать, я жирная свинья? На баб пялишься?!

Комплименты, которые он считал проявлением нежности, слова вроде «поросеночек» и «хрюшок» оскорбляли блондинку, щипки и шлепки она принимала за намек на свою полноту. Она недолюбливала свою женственность, бедра, грудь и особенно круглый животик, который любили режиссеры и зрители и который вызывал к ней абсолютное доверие учредителей фонда. В то утро грудь набухла, соски болели.

– Я люблю твое тело!

– Можно спокойно позавтракать?! – В ее голосе звякнули колюще-режущие столовые приборы.

Блондинка была смешная и трогательная, когда злилась. Это и подбивало Курицу на шутовское хулиганство. Чтобы вызвать визг, надутые губки, брань, звучащую по-детски. Чтобы она гонялась за ним, пытаясь заломить руки, повалить, зашекотать до дикого хохота.

Сейчас она обиделась иначе. Такая ее обида, помноженная на откуда ни возьмись взявшуюся скорбь по несуществующему бессмертию, служила предвестником слез, рассуждений о собственных страданиях и несправедливом устройстве мира. Сделав глоток плохо взболтанного сока, она сказала:

– Изобрели бы поскорее бессмертие, трудно, что ли! Только у меня появились деньги и возможность отдохнуть, когда можно не думать о пропитании и просто наслаждаться жизнью, я начала стареть и забеременела.

– Ты прекрасно выглядишь! – твердо заявил Курица с трудом скрывая: «Ну вот, опять началось». – Ты забеременела, потому что молода! Дети и есть бессмертие. Мы воплотимся в нашем ребенке. Не все же чужими заниматься! Кстати, если бы люди были бессмертны, у тебя бы не было фонда.

Блондинка пропустила мимо ушей формальные и возвышенные рассуждения Курицы, его шуточку про фонд, которой он сам же и рассмеялся. Ее не купишь на такое фуфло, как воплощение в своих детях.

– Я уже неинтересна молодым парням, со мной уже не так кокетничают на улице. Знаешь, как со мной раньше кокетничали?!

Недавно ей стукнуло сорок. И она на самом деле старела. По утрам мешки под глазами, несколько седых волос, узкие сапоги перестали застегиваться на поплывших икрах. Курица переживал, что стареет медленнее. Ему было всего тридцать четыре, и он старался нагнать блондинку: ел жирное, чтобы поправиться, жарился на солнце, мечтая иссушить кожу. Тщетно. Калории посмеивались над ним и отказывались откладываться в брюхе и щеках. Разве что это пятно на спинке кровати от избытка холестерина.

– Зачем тебе другие парни?

– После сорока женщина никому не нужна. Ее не замечают, жалеют. Через десять лет мне будет пятьдесят, а тебе сорок с мелочью. Женщина в пятьдесят – старуха. Никто не станет любить меня бесплатно, а ты будешь изменять и скрывать это из жалости!

Океан дул в лицо. Залив выстреливал белыми катерами. Виллы нежились в густой пене пальм. Небоскребы слепили стеклом. Блондинка смотрела на город. На дома и окна за жалюзи. Там люди. И всем этим людям плевать на нее.

– Зачем я родилась женщиной?! – с ненавистью спросила блондинка. – Зачем я рано старею и должна рожать?!

Курица вздохнул.

– Зачем ты со мной?! Зачем?! Зачем?! Чего прилип! Я бы на твоём месте трахала молодых баб. Всем бы детей делала. Чего ты со мной возишься?!

– Я люблю тебя, – ответил Курица и задумался: не соврал ли?

– Зачем жить в ожидании катастрофы? Давай расстанемся теперь!

Когда Курица голоден, он груб и нетерпелив. На пустой желудок он не желает выслушивать жалобы блондинки на жизнь, сочувствовать, успокаивать, ободрять. Теперь Курица был добр и великодушен, дожевывая, он поцеловал блондинку в шею. Она ощутила крошки на его губах. Она услышала, как тихонько щелкнули его челюсти, как он сглотнул остатки завтрака.

– Я же очень люблю тебя, глупая. Люблю такой, какая ты есть, – настаивал Курица, вычищая языком десны. – Давай помассирую тебе плечи.

– Ты меня бросишь, когда я рожу! – Она оттолкнула его. – Мне каждую ночь снится, что я все старше и старше! Что ты презираешь меня, трахаешь, морщась! Каждую ночь, каждую ночь! Трахаешь меня, а хочешь ее!

Блондинка ткнула в картину возле стены.

– Ты же не могла позировать! Я нашел натурщицу. Да, она привлекательная! Я не могу рисовать без страсти!

Блондинка набухла и прорвалась слезами.

Курице захотелось спрятаться, зажмуриться. Заткнуть уши, скрыть лицо, сжаться, исчезнуть, стечь струйкой по водосточному желобу. Он мог бы ударить ее, только бы не видеть этих плачущих болотно-джинсовых глаз.

– Слушай, если ты со мной так несчастлива, то... зачем нам тогда ребенок? – спросил он, выговаривая каждое слово.

Он очень обиделся, что предложение сделать массаж не встретило восторга. Каждый раз, когда блондинка позволяла себе быть несчастной, Курица воспринимал это как оскорбление. Ее несчастье было для него неблагодарностью, ножом в спину.

– Хочешь со мной расстаться?! Сейчас, когда я забеременела? Ищешь предлог, да?!

– Ничего я не ищу! Но если ты глубоко несчастна, то причина твоего несчастья – я!

– У тебя кто-то есть! Посмотри на меня! – Блондинка принялась ловить лицо Курицы.

– Нет у меня никого!

Его глаза избегали глаз блондинки, упирались, как скотина, которая поняла, что ее волокут на бойню.

– Посмотри на меня!

Курица скрытный. Не любит, когда ему в душу лезут. В такие моменты чувствует себя устрицей, которой нож между створками засунули и шуруют.

– Я не могу быть счастливой, во мне какой-то дефект...

Блондинка опала вся. Оба сидели выпотрошенные.

Собрав силы, Курица стал производить слова:

– Ты беременна. Мы так долго этого ждали. Надо радоваться. Жизнь дана для радости.

Эти фразы вытаскивали его из трясины, будто лебедкой. Зацепился за камень, за пенек и теперь медленно подтягиваешь себя.

– Ты правда так думаешь или говоришь, чтобы меня успокоить? – робко спросила блондинка, снова обхватив его лицо ладонями, ловя его глаза своими.

Он отправил взгляд прямо ей в лицо.

– Я правда так думаю.

– Какая же я дура, забеременела и страдаю, вместо того чтобы радоваться!

Окрыленный тем, что зародыш депрессии удалось раздавить, гордый своими психотерапевтическими способностями, которые, говоря по правде, порядком развились за годы жизни с блондинкой, Курица взял лепешку, стал отщипывать.

– Можно на твоем почту проверить? – Курица кивнул на ее ноутбук. – Мой виснет.

– Конечно, любимый! – Она поцеловала его в губы. – Ты разослал свои работы?

Курица ждал ответа от галеристов и кураторов, которым отправил портфолио две недели назад. Все это время он по несколько раз в день проверял ящик, боясь пропустить судьбоносный ответ.

– Разослал.

– Ты очень талантливый. Я в людях не ошибаюсь.

Сразу открылась ее почта. Курица не читал чужих писем, даже заголовки и списки адресатов не пробежал глазами принципиально, но почта открылась на письме, к которому была приложена фотография. Малюсенькая картинка. Настолько маленькая, что не разглядишь, что изображено. Но он разглядел. И будто на бетонный столб налетел с размаху.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.